

20 АПР 1975

Омская правда

Счастье Махмуда Эсамбаева

В ОМСКЕ С ПРОГРАММОЙ «ТАНЦЫ НАРОДОВ МИРА»
ВЫСТУПАЕТ НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР МАХМУД ЭСАМБАЕВ

Махмуд Эсамбаев вышел из вагона поезда и увидел море молодежи: омский комсомол провожал своих посланцев в Москву фотографироваться у знамени Победы!... Эсамбаев шел по перрону и очень внимательно вглядывался в лица молодых сибириков.

— Да, мне хотелось бы поехать с ними, — сказал он мне

потом. — Ведь я тоже был на фронте, правда, как артист. Наша концертная бригада выступала чуть ли не на передовых. Я был ранен и даже боялся, что не смогу больше танцевать. Это было бы для меня самое страшное... Да, конечно, я хотел бы поехать с молодежью фотографироваться у святыни нашего народа. Я хотел бы сфотографироваться с этими молодыми людьми, которые правильно понимают свои права и обязанности. А права и обязанности у всех советских людей самые прекрасные: мы обязаны работать так, чтобы всем нам лучше жилось; наше право — работать так, чтобы молодеть с каждым днем. И в этом смысле, — Махмуд улыбнулся, — я не увидел, что отъезжающие и провожающие были моложе меня. Ведь мне на сцене 25 лет. И если даже пройдет еще десятилетие или полтора, мне все равно будет 25 лет. Потому что я правильно понимаю свои права и обязанности. Я полностью использую свое право быть самым счастливым человеком и ответственно выполняю свои обязанности — работаю круглые сутки...

В этих словах, сказанных с доброй улыбкой, главные черты Махмуда Эсамбаева, талантливейшего танцовщика, трудолюбивейшего человека, человека неистощимой молодости. Сейчас народному артисту СССР Махмуду Эсамбаеву (как он сам говорит, по паспорту) — 50 лет. Но кто поверит в это, когда увидит Эсамбаева в кинжально-острой и в то же время нежной чеченской лезгинке, в «Павлине» — в этом неожиданном танце-мечте, танце-сказке древних мифов, сложнейшем, хрупком, но и могучем индийском «Золотом божге», в драматическом «Цыганском танце», а блестящих, элегантных, воздушных «Мелодиях Испании», в удалом, ярком, страстном и острополитическом «Русском танце» и, наконец, в «Макумбе», бразильском танце-заклинании, в оде человеку, погибающему ради счастья людей!

О каждом танце Эсамбаева можно написать повесть. Я не преувеличиваю, потому что этот художник обладает редким даром вкладывать в свои танцы мудрость, драматизм человеческой жизни и сложные проблемы времени. В «Русском танце», например, Махмуд показывает человека, покинувшего свою родину: теперь он, беглец, рвется, рвется обратно, к русской березке, русской песне, и бьет, казнит себя, и лечит таким «Русским

танцем», какой бывает только в великих сказках. Ах, танец, танец, да вылечи же ты его, отпусти ему грехи, верни, верни ему Россию!.. Я стоял за кулисами, когда после исполнения «Русского» мимо прошел Эсамбаев с глазами, полными слез...

Этот мастер танца умеет нарисовать восход и заход Солнца, могучее течение Ганга («Золотой бог»), он умеет показать испепеляющую драму любви («Цыганский танец»), перенести нас на площадь сказочной, романтической Испании и создать свой неожиданный автопортрет в бразильской «Макумбе». Это танец-бой со злом, от которого плохо — людям. Махмуд этим танцем как бы зовет нас быть лучше, сильнее, счастливее, отдавал этому все свои силы.

— Я до сих пор помню свои фронтовые концерты, — вспоминает Махмуд. — Сидят бойцы, усталые, запыленные. Я танцую им матросский, русский, цыганский... Стараюсь изо всех сил: да и как иначе? Сейчас они встанут и пойдут в бой, и, может быть, мой танец будем последним танцем в их жизни. И каждый из нас разрывал себя, чтобы спеть лучше, станцевать лучше, чем он мог. С тех пор это и живет во мне... После концерта, после «Макумбы» я чувствую себя счастливым человеком из цирка, который работает воздушный номер без лонжи и страховочной сетки. Я счастлив, что и сегодня не разбился...

В. ЧЕКМАРЕВ.

НА СНИМКЕ: Махмуд Эсамбаев в танце древних мифов «Павлина».

Фото Т. СЕДЕЛЬНИКОВОЙ.

